

Марина Торина

Вредная
привычка
выходить замуж

Короткие повести и
рассказы о любви

Марина Горина
**Вредная привычка выходить
замуж. Короткие повести
и рассказы о любви**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073579
ISBN 9785448333248*

Аннотация

Повести и рассказы о настоящей жизни без «розовых очков», читая которые, тем не менее, начинаешь верить в чудеса и главное чудо жизни – любовь.

Содержание

Вредная привычка выходить замуж	5
Глава 1. Филипп №3 (Селим), 2004Г	5
Глава 2. Филлип №2 (Фил Баккарди Видаль ВИДАЛЬ), 1990 г.	11
Глава 3. Филлип №1 (Филлип) 1988г	16
Глава 4. Филлип №1 2003 г.	21
Глава 5. Филлип №3 (Селим), 2006 г.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Вредная привычка
выходить замуж
Короткие повести
и рассказы о любви
Марина Горина**

© Марина Горина, 2016

ISBN 978-5-4483-3324-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вредная привычка выходить замуж

Глава 1. Филипп №3 (Селим), 2004Г

– Приготовь курицу по-деревенски; только пусть это будет европейская деревня. В русской слишком много было чеснока – в телефонной трубке журчал и переливался странный акцент Филиппа.

Филиппа на самом деле звали Селим. Он был турок, с бабушкой ирландкой и прабабушкой наполовину швейцаркой в родословной. У него было отличное европейское образование, безупречное воспитание и манеры – по его мнению. Чем он обладал точно, так это безнадежным менталитетом турецкого гаремовладельца. Жидкая, холодная северная кровь бабок и прабабок выгорела в огненной, горячей янычарской крови дедов. И следа не осталось...

– Морда треснет. Ужинать пойдем в «Пирата». Хотя, не знаю... если Антон сегодня вернется вечерним рейсом из Ашхабада, привезет конфеты, надо будет подарки раскладывать на Новый год. Я никуда не пойду. Все, пока, мне надо растамаживать груз, некогда. – Адель мягко опустила трубку. Швырять – много чести для турецкого властелина гарема.

ма. Кто бы его вообще в серьез принимал здесь.

Адель была невоспитанной русской разведенкой. Правда, у кого образование лучше – еще посмотреть надо. У нее Киевский авиационный, аспирантура. Два языка – испанский и английский свободно, турецкий – в процессе изучения. Что там его стажировка в Сорбонне, где он с такими же мажорами-балбесами папины денежки проматывал. Она еще захватила кусочек советской Высшей Школы. Это вам не Сорбонна сегодня. И не турецкая гимназия, где только в старших классах дробы проходят.

Ирка за столом напротив делала страшные глаза и всем видом пыталась выразить неодобрение. Антон, прилетевший на самом деле еще вчера и скрывавшийся от жены в офисе, нагло ухмылялся. Павиан. Хотя, почему? – Нормальная офисная реакция по половому признаку. Бабник Антон доволен, самка из его стада (офиса) отказывает самцу из соседнего стада (офиса). Ирка в ужасе: Адель нарушает основной закон природы, отклоняет ухаживания альфа-самца. Но почему-то считает, что ее реакция – это проявление «здорового смысла» и «знание жизни».

Да пошла она со своим здравым смыслом и жизнью...
– Линочка, ну, разве так можно! Такой серьезный, богатый человек, хозяин солидной фирмы, а ты себя ведешь, как малолетка из подворотни! Ты вообще в курсе, что Джаханка из «Стройинвеста» после корпоратива с ним уехала? Довыкаблучиваешься, он с себя бабье, как блох, стряхивает!

– Нет, наша Адель Владимировна молодца. Филечка Адель не страшнет – потому, как она за него не цепляется – Антошка трескал конфеты, разложенные по огромным кулям. Да, ночь с очередной любовницей истощила энергоресурсы. Пополняет.

Кульки с нарисованными пухлыми зайцами и какими-то ободранными волками стояли на всех столах, на полу, подоконниках. Это принято называть «праздничной атмосферой». Но Адель мутило от запаха шоколада и апельсинов, он навсегда для нее связан с кровью, страхом и ужасом.

– Я не Лина, я – Адель. Ира, пусть трахает все, что шевелится. У него высокий уровень тестостерона. – Глаза у Ирины почти выкатились из орбит. Пусть. Мало ей. Училка, блин.

– Антон, кончай лопать конфеты, это детям! – Адель выключила ПК и выкарабкалась из своего угла. Ей, с ростом метр семьдесят шесть, было тяжело сидеть за низким компьютерным столом. И плюс шпильки. Колени упирались в столешницу.

– Пошли в «Сладкоежку». Пока Антон не съел все конфеты. Курбана на телефонах оставим. Устала я, пойдем, ну?

– Я – короткими перебежками, я еще из Ашхабада с конфетами не вернулся, Аделечка – ты – прелесть! Когда ты каблуки снимешь, чтобы я мог дотянуться и облобызать тебя в щечку?

– Иди к черту. Как тебя Зоя терпит?! Кстати, ты перья как

павлин не распускай. Не забыл девиз нашего сплоченного, дружного коллектива? – «Козла вкозлить не за падлю». Вкозлят тебя жене. Устроит тебе Зоя веселую жизнь за ****ки, и правильно сделает.

– Фу, Адель – Ирина негодовала – неужели надо обязательно пошлить?! У нас водители так не говорят.

Адель бежала из кабинета. Там слишком пахло Новым годом. Еще немного – и она беспомощно, безобразно и бесповоротно потеряет сознание. Надо бежать, надо спастись. Столько лет прошло, а она так и не смогла преодолеть этот бзик: елка, осыпающаяся хвоя, шоколад, апельсины и страшный запах черной крови, пропитавшей синтетический дешевенький палас.

Домой Адель вернулась поздно. После «Сладкоежки» они поехали обратно в офис, продолжили раскладывать подарки, потом надо было оформлять декларации на танкер с нефтью, потом звонил из Москвы шеф, который уже укатил домой на новогодние каникулы. Он занудливо выпытывал последние новости. Потом Адель, Антон и Виссарионыч ездили в таможню, поздравляли начальника с праздником и вручали ему конверт. Аннанияз Мамедович поминутно целовал Адели ручки. Хитрый и коварный Антон все подливал и подливал водочку. Душевно они посидели. Заодно обговорили растаможку пришедшего морем оборудования.

Возвращалась она затемно; Лилька была у бабушки, можно не спешить. Возле подъезда их хрущевки стоял огромный

джип. Филипп. Адель злилась на него из-за имени, но объяснять ничего не хотела. Она и внимание на него обратила только из-за этого немодного, редкого имени, если быть честной. Что уж теперь злиться? Адель прошла мимо черной, блестящей машины. Мужчина сидел на скамеечке, с сигаретой. В темноте, под светящимися окнами дома, обнял ее. Странно, когда он обнимал, она становилась меньше ростом и носом всегда утыкалась ему в плечо. Они так немножко постояли, помолчали. Было тепло и тихо, только шелестели, позвякивали в темной вышине над головой огромные изогнутые стручки на ветках – семена акации.

– Ты полетишь со мной завтра в Ашхабад?

– Что я там буду делать?

– А что ты там делала в прошлый раз?

– Ходила в бассейн, делала массаж, читала в номере и таскалась вечером с тобой по ресторанам. Все.

– Это так невыносимо?

Адель задумалась. Нет, конечно, это было лучше, чем «сингар посибле? – си...». Никто и никогда не должен знать об этом.

Хлопнула дверь подъезда, соседка с третьего этажа выпустила кота. Быстро глянула на обнявшуюся пару, хмыкнула и, видимо, передумала выходить. Кот, задрав хвост, прошел мимо парочки. Адель оторвалась от Селима, разомкнула кольцо рук:

– Я на Новый Год не могу. Свинство Ляльку бросить с ба-

бушкой, понимаешь?

– Нет, ты вернешься до праздников, одна, а я оттуда лечу в Анкару. Адель, ты выйдешь за меня замуж. Я еду разводится.

Селим не спрашивал. Он просто ставил ее в известность. Интересно, это очень отличается от ««сингар посибле»? – наверное, нет.

Поднимался ветер. Акация затарахтела громче невидимыми в темноте погремушками коричнево-фиолетовых стручков. Когда-то, давным-давно, она уже обнималась под этим деревом. Но было начало позднего лета, акация осыпалась белой метелью сухих цветов. Тогда Адель пыталась вытащить из темных волос голубоглазого парня, своей первой любви, сухие соцветия, похожие на маленьких паучков. Парня звали Филипп. Филипп номер один. Странно, но потом всех мужчин в ее жизни звали именно так! Или просто она не могла быть ни с кем, кроме как с Филиппом? И если рядом не было его, то ей был нужен хотя бы фантом, призрачная иллюзия – его имя?

Глава 2. Филлип №2 (Фил Баккарди Видаль ВИДАЛЬ), 1990 г.

Самое прекрасное на свете место – это Крещатик. Когда Адель увидела его впервые, у нее все замерло внутри. Волшебные, сказочно прекрасные дворцы под синим небом. Она поступала в КАИ. У нее была медаль, надо было сдавать только один экзамен. Адель не понимала трясущихся и неуверенных. Комплексующих, и из-за этого – агрессивных. Ей самой было абсолютно все равно, кто и что думает про ее немодные туфли. Если у тебя нет самого лучшего, то на все остальное – просто наплевать.

Она была нищей девочкой из глухой провинции, маленького среднеазиатского городка. Невоспитанной и неумеющей себя вести. Но никогда, ни разу, она не почувствовала себя ободранной нищенкой, неуверенной провинциалкой. У нее не возникало даже мимолетного желания доказать кому-нибудь, что она чего-то стоит.

Странное бесстыдство, смесь безмятежной наглости и спокойного нахальства. Вот такой личностный дефект. Полная атрофия стеснительности и любого вида неуверенности. Неспособность к самоанализу и самооценке. Не то, чтобы неправильно оценивала самое себя, а просто вообще никак не оценивала. А раз никак – то и завышенной самооценки не было тоже. Вообще никакой не было самооценки!

Как у травы, ветра или косяка рыб в море.

Крещатик пленил ее. Сомнений не было – она будет жить здесь, эти дворцы будут ее. Поэтому надо поступить и учиться.

Первые три семестра Адель была очень занята – после провинциальной школы было сложно. В конце второго курса пошла на капустник, увидела прекрасного, как Аполлон, Фила. О нем грезил женская половина их потока, младшие курсы не смели даже мечтать, а мудрые старшекурсницы знали, что с этим красавчиком, живущем на содержании одной завкафедрой, лучше не связываться. Но стоило ему помянуть одну из них, как она летела в его объятия, не раздумывая, а остальные исходили злобной завистью, сплетничая о его мелочности, жадности и непостоянстве.

Думать Адели было некогда и незачем – понятно, что она будет вместе с ним, самым лучшим! Замужем, или как там это еще бывает – все равно. Он – лучший.

Филипп был кубинец. На четвертом курсе они поженились. После пятого Филипп вернулся на Кубу, Адель осталась в аспирантуре. Полтора года сладкой, невозможной муки, она жила от звонка до звонка, и постоянно хотела своего Филиппа. Страсть движет миром и делает возможным окончание аспирантуры экстерном.

Она расхотела его в гаванском аэропорту имени Хосе Марти, после 14 часов перелета. Он был... другой какой-то! Нет, тот же самый, но здесь он уже не был самым красивым

парнем на потоке.

На развалюхе, взятой напрокат, они доехали до небольшого городка, недалеко от Сьенфуэгоса. Он привез ее в дом матери. Странная хибара, жить в которой было все равно, что на улице – окна прикрывали только дощатые жалюзи. Сеньора Марисель давала уроки кулинарии, получала за них какие-то жалкие копейки. Две сестры Филиппа работали за символическую плату на нефтеперерабатывающем заводе, в Сьенфуэгосе. Филипп смеялся над ними и предпочитал вообще не работать. Вставать рано утром и целый день пахать от звонка до звонка? Дранных шлепок и шорт ему хватало. Главное – свобода, гамак, и жить вместе с солнцем. Друзья, пляж, выпивка, песни под гитару. ВСЕ.

Теперь Адель хотела только одного – развернуться и бежать отсюда. Немедленно!

Для начала Филипп изнасиловал ее ночью в доме его матери. Утром она встала с синяком на скуле. Филиппа не было. Ее часов, колечка с сережками и денег тоже. Вернулся он через три дня, кинул ей кучу журналов и сказал: учи язык!

Она выучила. Страдать и убиваться не стала. Зачем? Она писала матери бодрые письма. Живот рос не по дням, а по часам. Иногда Филипп заявлялся домой, насиловал Адель, утаскивал очередную шмотку и опять пропадал.

До рождения Лильки оставалось четыре месяца, и Адель понимала, что прокормить малыша, еще один рот, просто невозможно. Она взяла голову в руки, подумала, продала чу-

дом сохранившийся фотоаппарат, и купила огромную свинью. Через двадцать дней Пилар (так звали хрюшку) опоросилась. Двенадцать крохотных поросят были чудо, как хороши. Даже много, много лет спустя Адель испытывала странную нежность к маленьким поросятам.

Адель до самых родов надменно таскала свой живот, ведра с кормежкой для своих свинок и катала тачки с навозом. Лилька родилась крепенькой и красивой. Мозги у Адели работали четко, сомнений и колебаний она не знала. Надо было заработать денег на билет. И возвращаться домой. Здесь будущего не было.

Когда Лильке исполнилось шесть месяцев, младшая сестра Филиппа, Луэла, пришла в комнату Адели и сказала:

– Поедешь со мной в Гавану? На неделю. Я ушла с работы.

– Зачем?

– За босоножками! Тряпками и шмотками. Потом здесь продадим. У тебя же есть немножко денег от твоего свиначьего бизнеса. На начало хватит.

Вечером Филипп пришел и начал перетряхивать маечки Лильки и Адели; искал деньги. Потом вытащил Адель на улицу, тряс за плечи и бил головой об пальму. Она не отдавала свои копейки. С воплями выскочила из дома сеньора Марисель, оттащила Филиппа от жены и кинула под ноги все сбережения Адели, отданные на сохранение. Потом сидела со снохой в обнимку, прямо на земле, под той же пальмой и плакала. Глаза Адели были абсолютно сухие. Майка на гру-

ди была мокрая от молока. Это было последнее молоко, после побоища оно пропало. Стало совсем туго, Лилька начала худеть и таять. Кормить дочку фасолью, рисом, папайей и раз в неделю деликатесом, мясом чихуиту – а попросту, крысой – было невозможно. И Адель поехала в Гавану с Луэлой. За двести километров. Работать вахтовым методом – бросать Лильку больше, чем на неделю, она не могла.

– Знаешь, у тебя плосковат зад, как у всех европейек. Но у тебя такой замечательный рост, очень красивая грудь и волосы. И вообще, видно, что ты ...ну, образованная, что ли... – говорила Луэла.

Они ездили в Гавану. Месяцев пять. Ночь, если очень-очень повезет, стоила двадцать баксов. Одна свинка – пятьдесят. Поросячий бизнес проигрывал по сравнению с любительской проституцией. И главное – время, время! Филипп потребовал выкуп за свое разрешение на вывоз Лильки. Адель отработала еще четыре месяца. Еще четыре месяца – «сингар посибле? – си...». Переводится примерно – мадам, вас можно поиметь? – Да. Синьора Марисель продала старую брошку. Кажется, она была медной. Луэла доложила денег. И Адель с Лилькой вернулись домой.

Глава 3. Филлип №1 (Филлип) 1988г

Вы можете себе представить, что это такое, сын начальника областной милиции в южном, портовом городке? В середине 80-х прошлого века? Нынешние мажоры – затхлые, убогие старики на своих Бугатти и Ламборгини, по сравнению с молодым красавцем с папой-партаппаратчиком или мамой-завмагом из той эпохи. Что стоят виллы нынешних мажоров в Ницце и их лыжи стоимостью в домик для среднестатистической российской семьи? Ничто, по сравнению с пикником на морском берегу! С баночным пивом и шашлыком из осетрины на костре! В такой бесшабашной, прекрасной компании, сверкающей бриллиантовым блеском ума и искрометной иронией!

Кстати, почти все из той, памятной Адели компании супер-мажоров, нынче на слуху и виду; племянник завмага женской одежды, маленький, волосатый, живой как ртуть, с поразительно острым умом и пластичной психикой Армен – звезда экрана. Недавно снялся в фильме, кажется, называется «Яйца Фаберже». Сергей стал известным каскадером и актером. Айша, тонкая, томная, прекрасная, даже на пляж ездившая в маминых брильянтах – не поверите! Пишет речи и спичи для правительства, живет в Москве, леди – тайна, леди совершенство. Никто не потерялся из них по жизни. Кто-то торгует алюминием. У кого-то ресторан-

ный бизнес в Ницце. Кроме сына начальника милиции, Филиппа, и Адели.

Впрочем, Адель не была «мажоркой». Она была малолеткой, случайно затесавшейся к ним тем летом. Длинная, худая девочка, со странным именем, в дешевых шлепках и детском купальнике. С маленькими золотыми сережками с простенькими камушками, доставшимися от бабушки. Она была умна не по годам. В свои щенячьи пятнадцать сделала вывод – раз и на всю жизнь – лучше никаких сережек, чем дешевые. И так во всем. Или ничего, или все. Филипп был всем.

Адель неделю назад прочла «Алые паруса» Грина. И не спала всю ночь. Она, наконец-таки, узнала, как должно все случится; шаталась по улицам в одиночестве, без дур подруг. Ведь когда Грэй приедет за ней, она должна быть одна. И везде искала алый блеск тех парусов. В ярком красном сарафане соседки, сетке с помидорами, закате. И нашла – красная машина, с четырьмя переплетенными колечками, прямо в их дворе!

Из машины вышел парень, в белых джинсах и ярко-алой рубашке с пальмами. Это было так красиво, так красиво – и его белые летние кожаные туфли, и смуглые руки, и цепочка на груди – что сердце у нее остановилось! Длинные, прямые и черные волосы, блестящие, как в модных журналах! Она стояла, открыв рот – даже не в переносном, а в прямом смысле слова! Яркие, синие глаза и смуглая, чистая кожа лица. Белозубая улыбка.

Но самое главное – это его походка, взгляд – он был хозяином мира, жизни и этого лета. Он был во сто крат прекраснее Грэя! Хотя минуту назад Адель выцарапала бы глаза любому, кто посмел сказать такое. Он засмеялся и что-то сказал потешной девчонке; девочка закрыла рот и так отбрила его, что теперь у него отвисла челюсть. Он не пошел к другу, к которому приехал. Забыл. Он поехал кататься с Аделью, и вернулась Адель в первом часу ночи. Это было сумасшедшее лето! Он таскал ее всюду за собой.

Филипп не смел прикоснуться к этому странному подарку лета. Абсолютно не похожему на знакомых ему особей женского пола. У нее или вообще не было пола, или был, но какой-то невозможный, непонятный и неизвестный в природе. Может, она была сродни электрическим скатам. Когда Филипп, ожидая в машине свою подружку-малолтку, видел Адель, выходящую из подъезда дома, его било током.

Один раз чуть вообще не убило – он случайно увидел ее на рынке, со спины. Девчонка выбирала дыни, разложенные прямо на земле. Маленький зад, обтянутый короткими шортами, и атласная кожа с тыльной стороны колен. Согнувшись, она поглаживала шероховатую, змеиную кожицу дынь Гюляби. Длинные загорелые руки и длинные тонкие пальцы. Разряд тока оглушил его одновременно с узнаванием. Он тогда вообще ушел, она не заметила его.

Адель сама, первая, поцеловала. Да так, что у бывшего (как он сам думал о себе), парня не хватило воздуха, а в ушах

стоял звон и шум. Это он отбивался от нее, боясь причинить ей боль и практически истязая себя. Девочка была сильной и настойчивой. Она была уверена в своем праве. Их сумасшедшие поцелуи в машине, ночью, на берегу моря, выматывали их до бесчувствия, до упадка и истощения сил. Но переступить черту не было даже в помыслах!

Филипп уехал в конце августа в Москву, заканчивать институт. Адель пошла в десятый класс. Она ни минуту не ревновала и не сомневалась. Только очень скучала без него. После знакомства с представителем вида электрических скатов, Филиппа обычные женщины не волновали совсем. Они оба замерли, не жили и не дышали все это время – до зимних каникул Филиппа впали в анабиоз.

А под Новый год отец Адели в пьяной, случайной драке убил собутыльника. Нечаянно, ненароком, без умысла. И от этой бессмыслицы становилось еще ужасней, совсем тошно. В небольшом городке дело получило шумную огласку, им перемывали кости, все обрастало чудовищными подробностями. Их семья теперь была на слуху и на виду.

Что было потом, Адель плохо помнила. С того Нового года запах шоколадных конфет и мандарин навечно переплелся с запахом ужаса и крови, пропитавшей палас под мертвым телом в их квартире. Адель первая нашла убитого.

Ее роман с сыном начальника милиции стал предметом пристального изучения всего города. Все судачили – отмажет суд отца подружки сына милиции, или нет? Потом Фи-

липп приехал на каникулы и даже не позвонил.

Адель пошла к Айше; Айша очень четко объяснила, не говоря ни одного грубого слова, что быдлу место только с быдлом в быдлятнике. Бархатный коротенький халатик Айши, темно-синий, был весь в радужных бликах, которыми отсвечивали брильянты в кольцах и серьгах. Духи, которыми пахло от нее, были самыми прекрасными, и невозможно напоминали одеколон Филиппа. Адели даже привиделось, что Филипп стоит рядом, за дверью комнаты, и тихонько дышит, слушая их разговор.

Потом ей даже казалось, что он пытался ее догнать, или что-то сказать ей. Но этого, конечно, не было. Это был просто бред.

Мир Адели не рухнул. Если бы он рухнул, остались развалины. И не исчез, в этом бы случае сохранились воспоминания. Адель проспала две недели, мать говорила, что она болела. И проснулась совершенно другой Аделью из другого мира. Прежнего мира не существовало никогда. И Адели тоже не существовало раньше. Она окончила школу с серебряной медалью. Что было очень логично. Золотую дать ей было просто нельзя, но и вообще без медали оставить – значит, сделать очевидной предвзятость. Серебряная – логичный компромисс.

Эта новая Адель с компромиссной медалью и без прошлого уехала летом поступать в КАИ. Учиться на экономиста.

Глава 4. Филлип №1 2003 г.

В телефонной трубке было молчание. Огромное, оно вмещало в себя бесконечность пространства и времени. Где-то вспыхивали новые звезды, неслись кометы, взрывались солнца. Умирили и зарождались цивилизации. А в трубке было молчание Филиппа. ЕЕ Филиппа! Адель слушала его.

– Эля, иди, глянь! Надо будет купить ей солнечные очки!

Адель видела уголком глаза, через прихожую, диван. На нем, не дыша, выпрямив спинку, сидела Лялька. В короткой шубке Адели, застегнутой на все пуговицы. В ботах на шпильке и солнечных очках. В ушах – наушники, в лапке – пульт от телевизора. Телевизор орал, но тишина в телефонной трубке была громче.

– Ма, не трогай ее. Она в три-дэ-формате зависла, похоже.

Мать подошла к Адели, мягко взяла трубку и так же мягко положила ее.

Элечка, сколько можно? Добить себя хочешь? Нас с Лилькой пожалей. О себе подумай! Эля, ты только начала выбираться. Опять все псу под хвост. Черт его принес. Эля, в этот раз чем кончится? Эля, теперь на рудники или галеры?

– Мама, я Адель.

В прихожей стояли картонные коробки. Мать собирала вещи Лильки. Адель купила квартиру, совсем рядом, в соседнем подъезде. Окна ее нового жилья смотрели на акацию,

под которой они когда-то целовались с Филиппом. Это было еще одной причиной для покупки. Сегодня они с Лилькой переезжали.

Шесть месяцев назад Адель, полуживая, стояла в прихожей с дочкой на руках и сумкой-рюкзаком через плечо. Мать стояла, опустив руки, и молчала. Лилька, сонная и уставшая, тихо подвывала: «Куйэло комей, куйэло эн ел экскусадо...» (хочу кушать, хочу на горшок...). Мать забрала Лильку на руки, и только тогда Адель увидела, что лицо матери свела судорога, и она просто не может говорить.

Ее не было тринадцать лет. Она вернулась домой, где в холодильнике всегда были котлеты, кефир, яблоки, колбаса и борщ с говядиной. На балконе стояли банки с помидорами. На выходные – манты и пироги. Черт, черт, черт! Сейчас хлеб был по талонам. Голодуха хуже, чем на Кубе. Там хоть бананов и папайи с апельсинами было вдоволь! Сейчас бы и чихуашку слопали за милую душу. Развал Союза, мать их! Туркмения – это вам не сытная Украина, или Белорусия с картошечкой! Здесь пустыня без конца и краю. Был самый настоящий голод и карточная система.

Мама резала жуткий, блокадный какой-то кирпичик хлеба с шашелями тоненькими ломтиками. Налила бледного супа в тарелки. Черные, слипшиеся макароны. Адель не плакала очень, очень давно. Она и забыла, когда это было. Но эта шашель в хлебе ее чуть не добила.

– Зато соль, вода и газ бесплатные – мать улыбалась бес-

смысленной улыбкой, глядя поверх головки Лильки.

Безработица. Молзавод, мясокомбинат, и еще десяток заводов были закрыты. Город был мертв. Все, кто могли, уехали. В Россию, Казахстан, Азербайджан. Но нефть и порт влекли к себе дельцов и деляг из соседнего Ирана и предприимчивой Турции. Американский Корпус Мира снял в аренду роскошное пустое здание в стиле «Сталинский ампи́р» – бывшую городскую музыкальную школу имени Чайковского. И оттуда, с паркетного пола в окружении мраморных стен, под потолками с роскошной лепниной «корпусили» свое миротворчество. Свято место пусто не бывает.

Открывались офисы, маленькие и большие. Урывали, продавали, процветали. Адель пошла искать работу. Уборщицей – да пожалуйста! Три дня мыла окна и полы, выбрасывала окурки и варила кофе. На четвертый села за комп, подвинув секретаря. Автокад он видел впервые. Шеф, иранец, стоял за плечом и сопел. Сказал с жутким акцентом – зайди ко мне.

Коверкая, с трудом подбирая русские слова, расспрашивал. Адели надоели эти спотыкачки, и она ответила ему на английском. Прекрасном и отличном. После чего он предложил ей сесть и должность референта. 200 баксов в месяц. Для Туркмении это были очень, очень неплохие деньги. Квартира стоила 700—800 долларов.

Через два месяца Адель переманили. Пообещали 500 баксов, кабинет и 28 часов работы в сутки. Она была началь-

ником ОК, отдела сбыта, планового отдела и замещала начальника ПТО. Заодно регистрировала в паспортно-визовой службе иностранных сотрудников фирмы. Сил и энергии у нее хватило бы на десятерых. Каждый праздник развозила взятки, договаривалась с таможей и дружила с президентом местного банка. С начальником таможи надо было обязательно выпить рюмочку виски, и немножко побеседовать о жизни, детях, язве.

В прокуратуру ездить с официальной мордой лица, и только с конвертом. В паспортно-визовую – пакеты с продуктами и парфюмерией, кроме обязательных конвертов. Со всеми найти общий язык и быть лучшей подругой, не забывая – что они – власть. Восток – это такое дело. На Курбан-Байрам Адель самолично выбирала и покупала баранов, нанимала пожилых туркменок, они варили плов в огромных котлах на костерке, во дворе офиса. И опять развозила конверты и презенты.

Через полгода, в пустом, брошенном городе появились люди, с образованием и опытом, но Адель уже прочно стояла на ногах. Шеф, памятуя, как он сам переманил Адель, во избежание подобных эксцессов денежками не обижал.

Адель купила в новую квартиру стиральную машинку, пылесос с пультом на ручке и огромный телевизор. Свежая баранина и апельсины, хоть и иранские, кислые, были вдоволь для Лильки и матери. Адель их хорошо кормила. Таскала матери пачками книжки Донцовой, а Лильке сказки, хоро-

шую российскую полиграфию. Колготки ей привозили блоками из Москвы. Чудесное постельное белье – 100% коттон – она купила комплектов двадцать (шикарный туркменский хлопок). После гамака на Кубе это было такое счастье! Пришло время хорошей косметики и шампуней. Дорогого крема и кружевных комплектов белья под каждую блузку.

Мать и Лилька были счастливы. А Адель, наконец-таки, плакала, вздох и навзрыд, когда никто ее не видел. Подушка была мокрая от слез. Она плакала по такой странной причине, что сама бы никому не поверила, если кто рассказал такое! Она плакала от немыслимого счастья – у матери и Лильки были свежие, сытые лица и веселые глаза. Адель складывала в новый двухкамерный холодильник ветчину в вакуумной упаковке и плакала. Она за 300 баксов поменяла все трубы в квартире у матери, переклеила обои и отштукатурила потолки. И плакала. Работать без выходных – да ради Бога! Один раз, получив премию после удачной сделки, купила себе бриллианты, с рук, по дешевке. Они светили таким же радужным светом, как и у Айши, много лет назад.

...Филипп пришел к ней ночью, неожиданно. Адель притопала с работы очень поздно, вымотанная до последнего предела, Лилька была у матери. Звонок разбудил ее в середине сумбурного сна. Она ругалась с шефом и доказывала, что от услуг SJS надо отказываться, а шеф гладил ей коленку под столом. Она злилась, потому что отгрузки надо было переносить на новый терминал, сдачу которого подрядчики

задерживали, дефектоскопия трубопроводов шла медленно, а Адель знала – пропили электроды УОНИ сварщики, не тем нержавейку варили! Но шеф говорил, что апельсины можно качать по любому трубопроводу, что разнородку варить можно чем угодно. А она чувствовала, что ворованные электроды шеф прячет здесь, в кабинете.

Адель вынырнула из утомительного сна и поплыла через темноту прихожей к светлячку дверного глазка. Филипп. Сон продолжался. Она часто, очень часто видела его во сне. Открыла дверь, лохматая, в пижаме. Он, не спрашивая, переступил порог. Сон длился и длился. Теперь солнца взрывались не в телефонном молчании, а в ней самой. Ночь – странная штука. День не обошелся бы без разборок, разглядывания друг друга, демонстрации гордыни и обид. В темноте ночи пропасть длиною в полтора десятка лет была не видна.

Все вернулось на рассвете. Когда они сидели на кухне.

– Ты можешь остаться сегодня дома? Не уходи никуда, Адель. Ты такая красивая, ты другая, но ты все равно Адель...

– Нет, Филипп. Я работаю, я кормлю семью. Я держусь за работу зубами. Меня и моих девчонок кормить некому. Мне безумно повезло, впервые в жизни, и я не хочу все потерять. Я вообще режимная девочка. Чтобы хорошо работать, мне надо спать семь часов. И нормально есть. И соблюдать режим.

Все началось опять, но только теперь время, место выби-

рала она. Как-то надо было ехать в срочную командировку, свидание отменялось. Она позвонила Филиппу, и сказала, что вечером улетает, но они смогут пообедать в ресторанчике рядом с офисом. Странная заминка, она почувствовала, но не придавала ей значения. Они обедали. Напряжение повисло над столиком. Адель посмотрела внимательно на Филиппа. По сути, она и не видела его еще. В глазах у нее был тот, прежний Филипп. А сейчас разглядела не новую рубашку, неуверенность.

– Господи, да у него денег нет! – Адель поняла сразу и все. Увидела так, как если бы ей долго и подробно рассказывали. Папаша не вписался. В Туркмении на госслужбе работали только туркмены, проверенные до седьмого колена. Уехать в Россию они не могли. Раскрутить что-то свое – не сумели. Отец Филиппа привык быть начальником, привык брать, повелевать, вершить. Он растерялся и не вписался. И сын тоже.

Адель работала как сумасшедшая. Работала за троих, не ведая усталости. Все помнила, успевала. Она была не правой рукой шефа, она была, практически, самим шефом. Любила Филиппа тоже за троих. И упорно не хотела замечать дуру-судьбу, которая уже кралась за ней с кирпичом за пазухой.

В этот раз Судьба поджидала Адель возле двери квартиры. В облике худой, породистой, немолодой женщины.

– Алечка, мне надо поговорить с вами. – Адель открыла дверь и пропустила женщину.

— Я, конечно, понимаю ваше желание устроить свою жизнь с человеком из порядочной семьи... ваш ребенок, конечно, ни в чем не виноват — но дерево надо, Аля, рубить по себе. Мой сын просто не в состоянии кормить вашего ребенка, я знаю, что вы на это рассчитывали, но...

Дама говорила, и сама верила в то, что говорила. Совершенно не имело значение, что несла эта дурища. Адель знала, что это все, это конец. Дама, наконец, потихоньку начала оглядываться. И рассматривать зоркими, оценивающими глазами Адель. Ее стрижку из дорогого салона. Простой, помятый брючный костюм, который стоил бешеных денег. Угол, заставленный оргтехникой. Дама знала толк в вещах. И она на глаз могла определить, сколько стоит паркет, банный халат, брошенный на пуфик, двери с витражами. Кожанный портфельчик в тон к туфлям. И чего стоит эта молодая, бледная, уставшая женщина.

Дама въехала, что несла чушь. Реальность возмутила ее еще больше, чем повод, по которому она пришла к Адели. Для нее было нормальным и естественным, что какая-то разведенка с ребенком-негритенком хочет завладеть ее сыном, воспользоваться положением и богатством семьи! Это она еще бы простила Адели. Играла бы бесконечно роль снисходительной барыни. Но смотреть на эту молчаливую, без косметики, молодую женщину, в дорогих туфлях, которая была хозяйкой жизни сегодня и здесь, дама просто не могла. Вот этого она точно не могла простить Адели. Она не могла при-

нять, что не было, давно не было ни положения, ни состояния!

У Адели возникло смутное ощущение, что бриллианты в ушах, купленные по случаю с рук, были ее, этой дамы. И что она, Адель, что-то украла у нее. Не важно, как было на самом деле – ощущение было таким реальным! И Адель знала, что дама чувствует то же самое.

Дама ушла. Через два дня Филипп уехал в Россию. Он написал Адели коротенькую записку, что должен попытаться выбраться из замкнутого круга, что должен чего-то там добиться. И еще всякую ерунду про самоуважение, самореализацию. Он опять струсил, он опять предал!

Глава 5. Филлип №3 (Селим), 2006 г.

– Нет, нет и нет! Дом в Анталии – через мой труп! Я не хочу жить в рекламном проспекте дешевого курорта! – Адель почти кричала.

– Адель, во-первых, полмиллиона евро – это не такая уж и дешевая вилла. Во-вторых, на Лазурном берегу точно такая же вилла будет в четыре раза дороже. О какой дешевке речь? – Филипп-Селим тоже уже почти кричал. – Идиот, блин, знал же, что русская жена – это...

– Ну, и что «это»? – Адель страшно забавлял русский сленг из уст турецкого гаремодержателя. Странно, но ругался он с ней на русском. А ночью говорил на турецком.

У Филиппа был дом в Стамбуле, доставшийся по наследству от родителей. В чудесном районе Бешекташ. С видом на море, садиком и толпой гостей. Здесь перманентно жил его старший брат с семьей. Приезжали сестры с зятями, племянники и племянницы, еще какие-то дальние и ближние родственники. Первую неделю жизни Адель просто потерялась, ее знакомили и знакомили, одна родственница была особенно мила, сразу предложила показать Адели город и магазины, хорошие салоны. Потом Адель услышала, как дочь и сын Филиппа, гостившие в это же время, называли ее «мами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.